

А.Ю. Дворниченко

**«ГОСУДАРСТВО КИЕВСКАЯ РУСЬ»
КАК ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН**

Father, father, where are you going
O do not walk so fast
Speak father, speak to your little boy
O else I shall be lost

The night was dark no father was there
The child was wet with dew.
The mire was deep, and the child did weep
And away the vapour flew

W. Blake «The little boy lost»

Отец, отец, куда спешишь,
Куда идешь так быстро?
Скорее сына позови —
Могу ведь заблудиться.

А ночь темна, с ним нет отца,
В росе измокло тело
Трясины жуть и слез река.
Химера ж улетела

У. Блейк «Заблудившийся сын»

В данной работе, насколько позволяют рамки жанра статьи, я рассматриваю проблему Древнерусского государства в историографическом плане. Речь идет об отечественной историографии XVIII–XX вв. Мою задачу облегчают уже имеющиеся историографические обзоры, рассматривающие эту проблематику в другом ракурсе [Мавродин 1978; Пузанов 1995; Дербин 2007; Шишкин 1997; Дубровский 2005; Юсова 2005; и др.].

Государство времен Киевской Руси (IX — начало XIII в.) заинтересовало уже историков «осьмнадцатого» столетия. Они смотрели на него сквозь призму монархизма, той самой «паки совершенной Монархии», которую воспевал «отец русской истории» В.Н. Татищев. Полемика между Г.Ф. Миллером и М.В. Ломоносовым придала проблеме еще один оттенок, поставив вопрос о том, каков был «этнос

варяжской руси, стоявшей у истоков российской государственности» [Фомин 2005]¹. Волновал историков и вопрос, как бы сейчас сказали, о характере общественного строя у славян в древности. Другими словами, были они готовы к государственному быту или нет. В любом случае государство в представлении историков тех лет появлялось как «черт из табакерки».

Н.М. Карамзин, как известно, тоже был монархистом, но находил в истории нашей страны и догосударственный период, для которого характерно народное правление. Впрочем, данный период — лишь подготовительный к «началу российской истории», к той точке отсчета, когда славяне добровольно уничтожили свое древнее правление и потребовали государей от своих неприятелей-варягов. Таким способом «рассеянные племена славянские основали Государство» [Карамзин 1989: 93], которое «самый первый век бытия своего» превосходило обширностью едва ли не все тогдашние государства европейские [Там же: 163]. Это государство было монархией. Вся земля оказалась «законной собственностью великих князей: они могли, кому хотели, раздавать города и волости. Так многие варяги получили уделы от Рюрика» [Там же: 164].

В дальнейших рассуждениях монархические установки великого историографа сыграли с ним злую шутку. Он представил себе и читателю историю Древнерусского государства как постоянную борьбу монархического и удельного начал. Забыв, видимо о «Рюриковых уделах», он пишет: Святослав первый ввел обыкновение давать сыновьям особые уделы — «пример несчастный, бывший виною всех бедствий России».

Дальше все так и пошло: один князь расправлялся с удельной системой, а следующий, не в силах сопротивляться своим отцовским чувствам, эту самую систему возрождал. И если ошибку Святослава исправил Владимир, а его ошибку, в свою очередь, — Ярослав, то ошибку Ярослава уже было некому исправить, и «Древняя Россия погребла с Ярославом свое могущество и благоденствие». «Государство, шагнув, так сказать, в один век от колыбели своей до величия, слабело и разрушалось более трехсот лет», раздробилось на малые области [Там же: 44–45]. Последующие кня-

зья, среди которых были такие выдающиеся представители этого племени, как Владимир Мономах, Андрей Боголюбский, Всеволод Большое Гнездо, также не смогли ничего сделать с удельной системой и не претендовали на гордый титул «самодержца».

Если к этому добавить, что историограф иной раз отмечает тот печальный факт, что «обширные владения Российские еще не имели твердой связи», то понятна реакция вдумчивого читателя: а что же это за государство такое?

Мало того, Н.М. Карамзин вводит еще один компонент в свою схему, на который, кстати, мало, кто из исследователей обращает внимание. Это народ, который активно участвует в политической жизни страны: проводит вечевые собрания, приглашает и изгоняет князей, решает судьбы войны и мира и т.д. Перечитав историографа, я пришел к выводу, что в изображении древнерусского народоправства ему могли бы позавидовать многие историки, которые в более поздние времена старались нарисовать древнерусский волостной строй, демократическое устройство русских земель.

Но историограф и здесь оказывается в неразрешимом противоречии: видя и ярко живописуя древнерусское народоправство, он не хочет его признавать. Монархические убеждения заставляют его видеть в народе, проявляющем свою политическую волю, мятежников, смутьянов и т.д. Пытаясь данное противоречие разрешить, Н.М. Карамзин предлагает разные объяснения (подр. см.: [Дворниченко 2012]).

Все эти противоречия «последнего летописца» не остались незамеченными. Пафос труда Н.А. Полевого был, как известно, направлен против концепции великого историографа, которому инкриминировалось то, что его произведение было историей государей, а не государства, не народа [Полевой 1997: 31]. Естественно, что на острие полемики и оказалась проблема государства. Журналист-историк ополчается прежде всего против восприятия историографом начальной стадии государственности.

Сам он начинает историю российской государственности с варяжских «государств». Первое русское княжество, основанное Рюриком, и было типично варяжским «государ-

ством», вернее это было несколько государств. Такое устройство автор именует еще и норманнским феодализмом. Варяги именовались еще и руссами.

Олег перебрался на Днепр и учредил главный городок русских княжений. Тридцать лет правления Игорева ослабили связь между русскими владениями, усилились удельные князья, «смирившие свою скандинавскую гордость» при Олеге. Если Ольга смогла укрепить связи между землями, то десять лет княжения Святослава «только разрушали союз народов» [Там же: 149]. Единодержавие — единственное спасительное средство образовать полудикий народ — было недоступно Святославу.

Князь Владимир первый всерьез попытался расстаться со скандинавским наследием и в результате вполне заменил варяжский феодализм азиатской монархией, сходной с основными нравами славян. На смену уделам явились области, «правимые детьми одного самовластного государя» [Там же: 154], то есть феодализм «семейный».

Роковая ошибка думать, что Русь при Владимире и Ярославе была государством сильным, единодержавным, громким просвещением, верою, гражданственностью. Единство Руси заключалось в языке и религии, но не в политическом составе, не в правах жителей.

Географический обзор Руси приводит его к выводу, что в XI в. «жизнь русского народа сосредоточивалась около местопребывания повелителя. Такие места составляли Киев и Новгород. Чем далее от них, тем более слабела жизнь общественная...» Владения киевского князя и удельной системы, ему принадлежавшей, замыкались в пространстве от Переяславля до Смоленска, и от Владимира Волынского до Чернигова, а Муром, Ростов, Тмутаракань были отдельными владениями, между которыми находились земли данников и независимых народов [Там же: 202]. Границы были совершенно неопределенны и размыты. Дальнейшая история «Древнерусского государства» представляется ему в следующем виде. В Новгороде уже со времен Олега и Ольги возобладали демократические порядки, которые превратили этот регион в некое подобие западных коммун.

Совершенную противоположность в политическом отношении являла собой Южная Русь, хотя «устройство военное

и гражданское было одинаково в Северной и Южной Руси». «Изменение варяжской системы в систему семейственного феодализма решительно сделалось со времен Ярослава. Но все пять княжеств по смерти Ярослава составляли один общий союз. Князь киевский, именуясь великим, был главой этого союза. Полоцкое княжество не входило в этот союз: оно было независимо». Удельные князья считались полными властелинами своих уделов, перед их лицом все население сливалось в одно название — рабы. Старший в роде должен быть всегда великим князем. В уделах, напротив, сын наследовал после отца. То, что на Руси так и не возникло сильное единое государство, не делает «удельный период» некоей тучей, налетевшей на Русь. Иначе и быть не могло. Н.А. Полевой задумывается о том, когда появилось слово «удельный», и обнаруживает, что его не было ни при Святославе, ни при Владимире; «словом: когда началось наименование удельных князей, определить невозможно» [Там же: 531]. Пройдет время, и С.М. Соловьев убедительно покажет, что такое слово и вовсе нельзя применять, когда речь идет о Киевской Руси.

Впрочем, и в Южной Руси Н.А. Полевой временами видит вече; так же как в произведении Н.М. Карамзина, у него действуют массы городского и сельского населения, названного по названиям главного города той или иной земли. Н.А. Полевой полагает, что «раздельные народы славянские были основанием образовавшихся потом княжеств русских», что вызывало взаимную народную ненависть разных русских областей, ненависти, основанной на различиях народов» [Там же: 527]. А если к этому добавить некоторые весьма существенные оговорки, которые допускает историк-журналист, то становится видна еще большая глубина этого противоречия в его воззрениях.

Историк-романтик явно не больше прояснил суть Древнерусского государства, чем историк-сентименталист. Не очень он интересовался и историей народа как таковой. Собственно, название его работы означало «лишь отрицание государственного единства Древней Руси» [Миллюков 2006: 347].

В творчестве Н.М. Карамзина и Н.А. Полевого заложены основы того подхода к древнерусской государственности, который прослеживается и в последующих работах. Те, кто,

подобно Н.А. Полевому, спорил с историографом, пока мало ясности вносили в понимание характера, формы Древнерусского государства. Декабристы указывали на народоправство, которое связывали в основном с Великим Новгородом [Волк 1958]; «скептики» во главе с М.Т. Каченовским вообще ставили под сомнение киевский период нашей истории.

И.Ф.Г. Эверс — профессор, в одно время ректор Дерптского университета — так и не высказал своего отношения к работе Н.М. Карамзина [Рубинштейн 2008: 255]. Но зато он гораздо полнее и глубже, чем великий историограф, разработал проблему генезиса государства, появления государства в результате долгого развития семейных и родовых отношений. Но при этом нельзя не видеть, что хотя Эверс и «находит в раскрытии системы родовых отношений путь к новой трактовке исторического процесса», но сам этот путь у него достаточно схематичный и включает, прежде всего, систему междукняжеских отношений [Там же: 261–262]. Государства как такового мы в его работе, по сути дела, не находим. Князья смотрят на государство как на родовое имущество, и каждый требует из него своей доли. Лишь постепенно родовые разделы исчезли, и «явилось наследие престола, основанное на первородстве» [Эверс 1835: 99]. При этом князь превращается в монарха с всеобъемлющей властью, а исключение составляет лишь вольный Новгород с его «гражданским правом». Подобного рода подход характерен и для других историков-юристов дерптской школы, а также для экономиста Ю.А. Гагемейстера и крупнейшего правоведа К.А. Неволина [Дербин 2007: 57–62].

Как видим, уже у историков того периода нашей историографии, который можно назвать «карамзинским» [Дворниченко 2005: 32], проблема древнерусского политогенеза, зарождения и развития государства вызывала значительные трудности, породила различные, порой взаимоисключающие трактовки. Трудности эти продолжились в последующий период, который можно датировать достаточно широко: 40-е гг. XIX в. — 20-е гг. XX в. [Там же: 33].

В это время зарождаются и получают дальнейшее развитие важнейшие течения исторической науки, так или иначе связанные с главными направлениями общественной мысли:

славянофильством, западничеством, теорией официальной народности, революционной демократией.

Западники и славянофилы, несмотря на горячие споры между ними, в том вопросе, который нас здесь интересует, были фактически близки между собой. Они мыслили о государстве как о результате длительного и достаточно сложного исторического развития. Правда, они по-разному видели пути продвижения к такому феномену, как государство, и, соответственно, по-разному это государство себе представляли.

Отношение западников-государственников к проблеме появления государства на Руси известно. Как показал Н.Л. Рубинштейн, все они начинали историю с родовых отношений и делили ее дальнейшее пространство на периоды — родовой, вотчинный и государственный. С.М. Соловьев уже второй период считал государственным и говорил о борьбе между государственными и родовыми отношениями, а в вотчинном строе видел лишь материальную базу растущего государства. Б.Н. Чичерин вовсе отрицал элементы государственности в вотчинном строе. К.Д. Кавелин занимал промежуточную позицию: отличал вотчинный строй от государственного, но определял его как этап в развитии государственного начала, как его первую зародышевую форму [Рубинштейн 2008: 338].

Применительно к нашей теме можно сказать, что ни один из этих столпов государственной школы в Киевской Руси государства не находил. Но при ближайшем рассмотрении начинаются трудности. Проще всего с Б.Н. Чичериным, который считал, «что в древней Руси преобладало не родовое, а вотчинное начало — гражданское общество, в котором господствует частное право. Он приходил к выводу, что старая Русь не имела никакого понятия о государстве, и говорил о длительном безгосударственном периоде в истории России» [Киреева 2004: 118]. Хотя нельзя не отметить, что и он наблюдал рядом с князьями общину: «...в первый период рядом с вотчинным началом мы видим и начало общинное, договорное, которое иногда стесняло и нарушало первое» [Чичерин 1858: 10–11].

С.М. Соловьев достаточно ярко и подробно рисовал период родовых отношений у восточных славян. Что же прихо-

дит на смену родовому периоду, по наблюдениям С.М. Соловьева? Со временем «Русская земля в самом обширном смысле слова, то есть все русские владения, разделялась на несколько отдельных земель, или волостей» [Соловьев 1988: 24]. «Волость» означала и княжение (власть), и княжество (владение, область).

Правда, преобразование племен в волости историк связывает с деятельностью княжеской власти, с творческой энергией любезного его сердцу рода Рюриковичей. Но тем не менее он отмечает значение древних главных городов с их вечевыми народными собраниями, которые фактически становятся еще одной влиятельной властью. На Руси формируется своего рода двоевластие, не поддающееся точному юридическому определению. Соотношение этих властей разнилось в зависимости от ситуации. Так, Новгород Великий «поднялся до значения государя, хотя не исключил и власти княжеской» [Соловьев 1991: 23]. Страна могла окончательно распасться на такие волости, но этот распад сдерживали такие факторы, как сильный княжеский род, церковь, общая культура.

Считал ли он политическую систему времен Киевской Руси государством?² При ближайшем рассмотрении оказывается, что в этом вопросе у него нет ни последовательности, ни определенности. Он, то называет это государством, то не называет, то делает упор на неоднозначность явления, его юридическую расплывчатость и неопределенность. Не будем ставить такой подход в вину великому историку. Он им, по сути дела, предрешал все развитие отечественной историографии до 1917 г.

Похоже, что еще сложнее этот вопрос оказался для К.Д. Кавелина, что и понятно, так как он предлагал читателю не конкретную историю, «а скорее философские размышления о русской истории» — отсюда некоторая непоследовательность в трактовке ряда сюжетов [Рубинштейн 2008: 335]. По призыву союзных племен является в Россию союзная дружина, и из русско-славянских племен образуется сильное, обширное государство [Кавелин 1989: 27]. Правда, устройство его носит неславянский характер — кажется, оно было феодальное. Ко временам Ярослава феодальный быт исчез, и «государство» надо было уже строить на началах

рода. После Ярослава устанавливается своего рода двоевластие между князьями и городскими общинами. Общины до самого образования Московского государства дают несомненные признаки государственной жизни: они везде призывают, выбирают и меняют князей. А где обстоятельства хоть сколько благоприятствовали, там они тотчас получали политическую самостоятельность [Киреева 2004: 115].

Итак, у государственников в вопросе о древнерусской государственности ясности не было. Естественно, что еще меньше ясности в этом вопросе было у славянофилов, делавших упор на земских, то есть общинных, традициях³. Согласно И.Д. Беляеву, «славяне искони жили в общинном быте». Уже в глубокой древности вся Русская земля разделялась на власти, или волости, страны. В каждой стране был свой старший город, к которому тянули пригороды, в котором находилось народное собрание (вече) — верховная власть. Причем вече было и в тех землях, где управление осуществлялось в монархической форме (как, например, в племени древлян), и в тех, где управляли выборные начальники, как в Новгороде. Форма правления не уничтожала верховной власти веча [Беляев 2004: 25]. Как город был общиной или союзом общин, управлявшимся своим вечем, так и пригород был общиной или союзом общин во главе со своим вечем [Там же: 27].

Фактически мало что изменилось с приходом варяжских князей, да и в дальнейшем — вплоть до монгольского нашествия — мало что менялось. Земщина жила своей общинной жизнью и по-прежнему владела всей землей, которая была ее до прибытия русского князя. Власть князя лежала только как бы на поверхности общественной жизни и не проникала вглубь [Беляев 1999: 49], а земщина имела важное государственное значение [Там же: 61]. Важно и то, что «за ней осталось значение главного, основного элемента в новой жизни русского общества» [Там же: 59].

Итак, земщина, то есть древнерусские волости, имела «государственное значение». Каково было «государственное значение» княжеской власти, которая существует параллельно с земщиной и постепенно с ней сближается, историк не разъясняет. В одном месте он говорит о том, что весь период от Олега до смерти Ярослава князь и его дружина еще не

сроднились с земщиной, не составляли с ней единого целого. Это была еще только первая ступень к будущему образованию государства [Беляев 1999: 44]. А какое это *государство* и когда же оно возникло, он не разъясняет.

Несколько понятнее концепция другого славянофила — В.Н. Лешкова. Историк отталкивается от бесспорной идеи о том, что город не строится в один день, а государство тем более. Это сложное политическое «тело» — земля, народ и верховная власть. Каждый из этих элементов имеет в государстве свою историю. При этом каждое государство, имея собственные условия происхождения и развития, появляется при особых обстоятельствах и возрастает под различными влияниями, составляя особое общество, не имеющее сходства ни с одним из современных ему политических соединений [Лешков 1856: 89]

Начав с того же установления земского строя на Руси, историк по-другому трактует дальнейшую историю. Между общинами возникают такие отношения, что они дают повод к появлению общей верховной власти. Причем приглашают князей не отдельные роды, а целые племена.

У нас началось государство, поддержанное церковью. Власть, обратившись на области и земли, низвела их до значения служебных орудий в форме уделов и областей, преобразовав верви в погосты, имевшие просто финансовое значение [Там же: 270]. Наконец, обратившись в целом к общинам, она поколебала их территориальные связи и поставила каждую общину перед общим законом, привела каждый двор к самостоятельному бытию, каждого русского человека — к полному личному, государственному значению. Другими словами, у нас постоянно шло поступательное движение общества к более обширным союзам, что в корне противоречит системе феодализма [Там же: 270–271].

Не выработали ясного отношения к Древнерусскому государству и адепты «теории официальной народности». Так, М.П. Погодину был близок образ семени, из которого и развилось государство. В главе X («Формация государства») своего главного сочинения он старается обосновать мысль о том, что Рюрик был призван лишь новгородцами и само призвание имеет мало отношения к началу государственности на Руси.

Оно осталось делом одних новгородцев, которые вскоре стали жить сами по себе [Погодин 1846: 476]. Но Рюрик стал родоначальником новой династии — было за кем следовать, хоть и в пустом пространстве. Олег — тоже еще не государство, а математическая точка — двинулся в Киев и обосновался там. Отсюда он ходил за данью к племенам. Это значит, что они не входили в состав государства. Это по-прежнему зародыш государства [Там же: 481]. И во времена Святослава семья, хоть и укрепившееся, оставалось еще семенем: неслучайно у него так слабы были представления об оседлости — все норовил уйти к болгарам дунайским. Лишь при Владимире, который разослал своих сынов по племенам, стали племена входить в состав государства. И мы теперь видим 12 княжеств, «особливых владений», под владычеством киевского князя [Там же: 489]. Именно в его правление политическое соединилось с религиозным и первый христианский князь стал и первым государем-владельцем. Но наметились и «будущие уделы по племенам». К счастью, все эти князья «перемерли», и Ярослав получил почти все их княжества.

Теперь все племена и города находились в подданстве у одного князя (а потом одного рода), были одного происхождения, говорили одним языком, хотя и разными наречиями, — «словом, это было государство, в некотором смысле целое, хотя и сметанное на живую нитку» [Там же: 442]. «И так двести лет начиналось государство — рождалась Россия». Государство создавалось варягами, поэтому с полным основанием этот период может быть назван «норманнским» [Там же].

Свой вклад в процесс поиска Древнерусского государства вносили и историки, которым импонировали революционно-демократические взгляды. Для А.П. Щапова вся история России распадалась на два периода: земско-областной и государственно-союзный. В первый период государства, собственно, и не было, а были земли-области, которые жили общинно-вещевой жизнью, ведя междуособную борьбу и временами поднимаясь до проявления федеративного начала [Щапов 1906: 648, 710, 753; 1926: 12–13]. Подобного взгляда придерживались и все историки, близкие А.П. Щапову [Цамутали 1971].

Вторая половина XIX — начало XX в. проходят под знаком тех представлений, которые исследователи определяют разными понятиями: земские, земско-областные, общин-

ные и т.д. Историки, придерживавшиеся таких представлений, добились больших результатов в изучении древнерусской истории, но с идеей государства они были не в ладах.

Наиболее последовательные сторонники земско-областной теории вообще отрицали наличие государственности в Киевской Руси. Одним из таких ученых был Ф.И. Леонтович. В плане критики предшественников историк выдвинул вполне убедительную мысль о том, что большинство из них почти всегда имеет перед глазами современные системы государственного устройства с их правильными и определенными формами и порядками. Отсюда мнение о «неправильных и неопределенных» формах древнего политического быта. Ведь в их основе не лежал еще закон. Но зато в их основе лежало обычное право — начало весьма правильное, прочное, строго консервативное и устойчивое» [Леонтович 1874: 124]. К тому же предшественники, по мнению Ф.И. Леонтовича, путаются в элементарных научных понятиях. В своих работах он делает принципиально важный для исторической антропологии вывод: «Родовые, общинные и государственные формы при органическом их развитии никогда не смешиваются одна с другой. Нет и не может быть ни общинного или государственного рода, ни родовой или государственной общины, а тем менее — родового или общинного государства» [Там же: 150]. Ученый не исключал скачков или быстрых переходов от одной политической формы к другой.

Применяя такую теорию, которая выглядит почти что современно, исследователь показывает, как обстояло дело с политическими формами в Киевской Руси. Он наносит смертельный удар по столь популярной «государственной» теории. Призвание князей «княжить и владеть» отнюдь не означало создания государственности [Там же: 194–195]. Само по себе призвание мало что значит. Потребность в князьях вообще не имела государственного характера, а коренилась в условиях старого общинного быта. К тому же призвание отнюдь не способствовало сплочению. Наоборот, чем дальше движется история, тем сильнее разрастается старая рознь [Там же: 212]. Впрочем, и древнерусское народоправство, например, новгородское, еще не было показателем государственности, а вполне укладывалось в рамки общинно-

го быта. Древней Руси не было свойственно государственное сознание. Церковь в домонгольский период также еще мало влияла на население, будучи занятой борьбой за собственное существование. Государственное сознание не могли привить и варяжские князья с их дружинами.

Итак, весь период Киевской Руси — это период господства общинных отношений. Поворот к новому государственному порядку стал обозначаться на протяжении XIII–XV вв., но только к XVI в. государство установилось прочно. И не надо, считает Ф.И. Леонтович, идеализировать, как это делается сплошь и рядом, ни общинный период Киевской Руси, ни государство XVI в. [Там же: 214].

На мой взгляд, подход Ф.И. Леонтовича был наиболее логически выверен и последователен. Но многие историки старались совместить несовместимое и создать некий симбиоз. На почве такого симбиоза вырастали более или менее пугающие читателя социальные организмы, призванные, по мысли их создателей, объяснить специфику общественных отношений в Киевской Руси.

Н.И. Хлебников выдвинул идею — соединение родов — «искусственно-родовое государство» [Хлебников 1872]. А.И. Никитский также писал о «родовом государстве». Такое родовое государство (княжение) является монархическим по форме, но по сути — демократическим, так как источником всякой власти служит народное собрание [Никитский 1870: 458]. В отличие от А.И. Никитского, другой крупный исследователь Д.Я. Самоквасов выдвинул идею первоначального племенного государства — город, городская община [Самоквасов 1896: 97, 105]. Если мысль Д.Я. Самоквасова находилась в рамках созданной им теории «племенного» государства, то другой выдающийся историк-юрист М.Ф. Владимирский-Буданов наблюдал в Киевской Руси «земское государство». В своем известном «Обзоре истории русского права», выдержавшем несколько изданий, ученый старался доказать, что «в государстве такого типа преобладающим элементом служит территориальный: государство есть союз общин; старшая община правит другими общинами... Государства других типов могут быть союзом сословий (феодалное общество), или лиц (ордена), или родов» [Владимирский-Буданов 1995: 42].

По-своему старались объединить земско-областническую и государственную теории А.Ф. Тюрин [Цамутали 1977: 81–86] и И.Е. Забелин, который считал, что если под государственной властью понимать власть самодержавную, феодальную, то такой власти наш народ не имел до середины XVI в. Но в древности существовала политическая форма быта, которую в известном смысле можно также именовать государственной. Это форма городской общины или городской республики, которая от государства в принятом смысле отличается только тем, что происходит не из военного, а из гражданского источника людских отношений, ведет свой род непосредственно от промысла и торгова. Образованные развивали эту форму лучше, более возвышенно, варвары жили проще. У нас и была вот такая «варварская» форма. Это, конечно, не государство в немецком, феодальном смысле, но все-таки существовала крепкая городская связь людей в древнегреческом смысле, власть веча, общей сходки, на первое время достаточная для водворения порядка [Забелин 2008: 362–363].

По мысли Н.И. Костомарова, вся русская жизнь отличалась крайнею неопределенностью, неточностью и невыработанностью форм. Здесь, как в хаосе, можно отыскать задатки и федерации, и республики, и монархии, в сущности же тут ничто не подходит вполне под те осязательные представления, какие мы привыкли себе составлять в качестве общей меры, прилагаемой к различным видам общественного строя [Костомаров 1994а: 167]. Тут были зародыши и удельности, и единодержавности [Костомаров 1995а: 306]. Только что сказанное определяет степень условности при определении концепции Н.И. Костомарова как «федеративной». Ведь Русь только «стремилась к федерации, и федерация была формой, в которую она начинала облекаться. Татарское завоевание сделало крутой поворот в ее государственной жизни» [Костомаров 1994б: 40]. Главный смысл русской истории вообще заключается «в колебании между единством всех земель и самобытностью каждою порознь, между разнообразием народоправления и централизациею единовластия» [Костомаров 1995б: 385].

Своего рода феноменом стала концепция В.В. Пассека, который попытался обосновать земско-областническую теорию с позиций трогательного монархизма [Пасек 1870].

Достаточно сложным является отношение к государству одного из крупнейших исследователей Древней Руси В.И. Сергеевича. Он уверен в том, что русская древность не знала единой государственности. Вполне в духе Н.А. Полевого, но гораздо более рельефно и подробно он показывает отсутствие единой государственной территории в древний период нашей истории [Сергеевич 2007: 121–129].

С одной стороны, он пишет о том, что в древности существует большое количество небольших государств, которые чаще всего называются волостями или землями, то есть, вроде бы, признает наличие хоть такого государства. Но, с другой стороны, Великое княжество Московское он называет «ново-рожденным государством» [Там же: 159]. Рассуждая о вечевом устройстве Руси, ученый считает, что в это время государство находится в периоде зарождения, оно не настолько еще окрепло, чтобы идея государства могла обособиться от составляющих его элементов и мыслиться отдельно от них. Общее еще не успело обособиться от частного, не успело еще выработать и своих особых органов. Такова почва, на которой возникло вече — народное правление [Там же: 509].

Другой выдающийся петербургский юрист — А.Д. Градовский — в рецензии на знаменитый труд В.И. Сергеевича упрекал его в том, что он забывает о том, что «политический быт времен Рюриковичей был только зародышем государства, а не государством, желудем, а не дубом» [Градовский 1868: 110]. Это не позволило ему увидеть некоторые особенности, присущие древнерусскому волостному быту. Самое главное — не заметить общину, коей волость и являлась, вернее «цепью общин, связанных между собой иерархическими отношениями».

Ученый-юрист А.Н. Филиппов полагал, что еще до варягов история нашего государства началась не с образования единого Русского государства, а с целого ряда небольших государств-княжений. Но это были государства-«эмбрионы» [Филиппов 1912: 18–19, 30, 156].

Историкам-юристам также импонировала идея о совмещении в «Древнерусском государстве» различных «элементов»: монархического, аристократического и демократического, которую наиболее ясно высказал М.Ф. Владимирский-Буданов, но поддержали М.А. Дьяконов и др. Земско-област-

ническая идея становится родной для большинства историков-юристов. Профессор барон С.А. Корф на финской «окраине» Империи воспевал народоправство времен Киевской Руси, рисуя портрет прямо-таки «народного государства». Первобытное славянское государство», вернее, государства начинают формироваться в VIII в. К IX в. под влиянием экономического фактора родовой быт исчезает и заменяется городовым. В создании городской волости главную роль играет не этнографический, а экономический фактор, так как границы волостей торговых городов не совпадают с границами племенными. Во главе молодого государства — вече, и верховным вершителем судеб волости является народ [Корф 1908: 10, 17–19, 30].

В работе С.А. Корфа отразилась ситуация широчайшего распространения идеи о городских волостях в историографии той поры. При этом волости эти, которые очень плохо подходили под определение «государство», обнаруживали уже в глубокой древности, до прихода варяжских князей.

Таким путем шел и знаменитый историк В.О. Ключевский. Под влиянием торговли возникла первая «местная политическая форма» — городские области (волости)⁴ [Ключевский 1989: 98], то есть торговые округа, управляемые главным торговым городом, которые появляются около половины IX в. [Ключевский 1987: 148]⁵. Такой волостной город можно назвать республикой, похожей на Новгород и Псков позднейшего времени [Ключевский 2003: 25].

Вторичной, но тоже местной политической формой было варяжское княжество. По сути дела, это те же «вооруженные города», но попавшие в руки варяжских конунгов. [Ключевский 1987: 153] (см. также: [Ключевский 1989: 252 и сл.]). Укрепившись в обороняемой стране, наемные сторожа повели себя завоевателями и насильственно захватили власть над туземцами. Из соединения варяжских княжеств и сохранивших самостоятельность городских областей возникла третья политическая форма — великое княжество Киевское — первая форма Русского государства. Оно возникло именно в Киеве, ибо отсюда, а не из Новгорода пошло политическое объединение русского славянства.

Воображению историка рисуется большая территория, приведенная под власть киевского князя к началу XI в. Впро-

чем, это «Русское» государство еще не было государством русского народа, поскольку не было самого этого народа, а существовало разноплеменное население. Рассуждая о характере княжеской власти в этом государстве, историк приходит к выводу, что до Ярослава единовластие было политической случайностью, а не политическим порядком. После же Ярослава оно вообще не появляется в русской истории.

Чем же являлся политический строй Русской земли в целом? Было ли это единое, цельное государство? Единая власть была, но не единоличная и имевшая условное, негосударственное значение. Князья были не полновластные государи земли, а только военно-полицейские правители, и земли договаривались с каждым из них отдельно. Съезды также не объединяли всех наличных князей и не сообщали Русской земле характера политической федерации. Она представляла собой не союз князей или областей, а союз областей через князей. Это была скорее федерация не политическая, а генеалогическая [Ключевский 1987: 210].

Ученики В.О. Ключевского — А.А. Кизеветтер, М.К. Любавский, Ю.В. Готье, Н.А. Рожков — в основном воспроизводя идеи своего учителя, вносили свой колорит в изучение древнерусского политического строя. Еще один ученик — М.Н. Покровский, — также воспитанный в традициях теории городских волостей, считал, что в наличности факта города и «городской волости» X–XII вв. — главное отличие древней, домосковской Руси от нашего средневековья, Руси Московской [Покровский 1966: 133]. Более того, наблюдения, сделанные талантливым историком, вносят много нового в изучение волостного быта, рисуют яркие, запоминающиеся картины республиканского строя Киевской Руси. М.Н. Покровский отказывается считать социально-политические организмы Киевской Руси государствами в современном (пусть и для начала XX в.) смысле этого слова [Дворниченко 2008]. Но историк старается найти в Киевской Руси уже устоявшийся феодализм. Это была первая серьезная подобного рода попытка⁶, ибо истинный творец русского феодализма — Н.П. Павлов-Сильванский — помещал его в период XIII–XV вв., то есть уже за хронологические рамки Киевской Руси⁷. И здесь историка ждала неудача: городовая

волость так и осталась под его пером «чистой загадкой». Слабая и надуманная концепция двух прав: городского и деревенского феодального, метко названная одним из критиков «дуализмом древнерусской истории» [Бахрушин 1939: 127], стала удобным объектом критики, расчищая путь новой, «истинно марксистской» истории Киевской Руси, альфа и омега которой был «феодализм».

Убежденным сторонником земского, общинного устройства Киевской Руси был ученик М.Ф. Владимирского-Буданова И.А. Малиновский, который отмечал, что уже на заре истории мы встречаем у русских славян довольно большие и сложные общественные союзы — «земли» или княжения, состоящие из старших городов и пригородов» [Малиновский 1905: 4]. Другой его ученик — Н.А. Максимейко — выделял целый земский период в русской истории [Максимейко 1910]. В таком же духе высказывались и представители школы киевского историка В.Б. Антоновича: М.В. Довна-Запольский, П.В. Голубовский и др. Зачастую они сравнивали древнерусскую политическую систему с древнегреческими полисами.

Внес свой вклад в изучение древнерусского политогенеза и знаменитый историк, автор известных учебников по русской истории Д.И. Иловайский. Он полагает, что быт племенной медленно, но постепенно превращался в государственный. Князя более сильного племени старались подчинить себе князья менее сильных и заставить платить дань. Взаимные отношения, построенные на даннической зависимости князей и племен, представляли собой первобытный вид государственного порядка⁸. Единовластие, которое возникало на Руси при Владимире и Ярославе, было личным и временным, так как понятие о едином, нераздельном владении, о едином государстве еще не сложилось. Более того, постоянно занятый собственной безопасностью, великий киевский князь все менее и менее мог оказывать влияние на другие области, особенно на удаленные от Киева. К тому же с самого начала мы видим борьбу единодержавия с удельным порядком и в то же время борьбу севера с югом, Новгорода с Киевом [Иловайский 1996: 43, 60, 95].

В конечном счете в «эпоху предтатарскую» Русь представляла собой собрание земель, более или менее обособ-

ленных, имевших во главе разные ветви одного княжеского рода, которые успели приобрести значение местных династий. Русь почти не имела «политического средоточия». Причем для всех русских земель характерны одни и те же особенности управления, земского быта. «Тщетно стали бы мы искать строго (юридически) определенных общественных отношений и учреждений, то есть стройного государственного порядка на Руси в домонгольскую эпоху. Ее общественный строй носит на себе печать неопределенности и бесформенности в смысле наших настоящих понятий о государственном быте» [Там же: 452]

В общем спектре российской историографии дореволюционной поры заслуживает упоминания и Е.А. Белов — преподаватель истории в Александровском лицее в Санкт-Петербурге, который весьма критически относился ко всем своим предшественникам. Больше всего ему не нравилась идея о том, что главную силу в Киевской Руси составлял народ. Он нашел, как ему казалось, свой ключ ко всей древней и средневековой истории Руси. Это прежде всего дружина, а затем — деятельность пригородов — «мезиниих» городов [Белов 1886: 69, 87; 1895: 36–37]. Дружина вообще, согласно Е.А. Белову, на юге играет определяющую роль в политической жизни, стоит на первом плане во всех проявлениях общественной жизни. Именно она создает политический строй Руси вплоть до Ивана III. Борьба же пригородов против всеислия старейших городов была одной из главных причин усиления княжеской власти [Там же: 88].

Впрочем, историк отнюдь не отрицает и вечевое начало в Киевской Руси. В древнейшей истории он находил три главных «факта» политической жизни: князя, дружину, вече. Но считал, что вече старых городов Поднепровья, а потом в областях Оки и Волги были сломлены силой дружины и после этого уже не играли главной роли. В предисловии к своей книге отмечал, что центральной фигурой в русской истории является Иван Грозный. Видимо, и на Киевскую Русь он смотрел в какой-то степени глазами своего героя.

Однако задача подвести своего рода итоги развития дореволюционной историографии выпала ученикам петербургского историка С.Ф. Платонова и украинскому историку М.С. Грушевскому.

Один из представителей петербургской школы, создатель теории российского феодализма Н.П. Павлов-Сильванский период Киевской Руси считал общинным и, соответственно, не находил государственности в это время [Павлов-Сильванский 1989].

А.Е. Пресняков, анализируя княжескую власть и «княжое право» в Киевской Руси, пришел к выводу о господстве в княжеской среде семейного права задружного типа как исходном пункте истории гражданского права славянских народов [Пресняков 1993: 12].

А.Е. Пресняков рассматривает «строй княжого владения в отдельных землях» от Полоцкой земли, первой выделившейся в особое владение, до северо-восточной Ростово-Суздальской Руси. Везде, во всех землях князь, княжеская власть играют огромную роль. Причем везде, кроме, пожалуй, новгородского Севера, князья сами обустроивали свое общественное положение на основе так называемого «княжого права» [Дворниченко 2006б: 35–46].

Князь со своими людьми и «княжим правом» существует не в безвоздушном пространстве, а в волости. Чем же были эти волости? Историк не согласен со многими своими предшественниками в том, что они своими корнями уходят вглубь веков. Такой подход, по его мнению, подрывал «возможность эволюционного понимания форм древнерусского политического быта» [Пресняков 1993: 163–166]. Волостное устройство, по мысли ученого, может возникнуть только на обломках племенного быта предшествующего времени. Социальный «портрет» древнерусской волости — политики — лучшее, что написано в дореволюционный период на эту тему. «Дуализм князя и веча был своеобразным внутренним противоречием в древнерусской государственности, которого не разрешила жизнь Киевской Руси», — отмечает историк [Пресняков 1938: 198]. А.Е. Пресняков считает, что попытки определить государственно-правовую форму «единства русской земли» не дали удовлетворительных результатов. Это единство выражалось в такой совокупности взаимоотношений, которые не находят выражения в терминах государственного права. Литература истории русского права не находит государственной формы у древней Руси как целого, указывая на отдельную волость-землю как на законченное целое [Пресняков 1993: 58].

Между тем сам историк широко использует термин «государство» применительно к периоду до появления волостной системы. К сожалению, объяснения того, что понимать под этим «государством», мы в работах ученого не находим.

Огромное влияние на советскую историографию Киевской Руси оказал и М.С. Грушевский — яркий представитель украинской школы. Он рисует картины родовых отношений у восточных славян, которые лишь постепенно уступают место территориально-общинным связям [Грушевский 1991а: 351–357]. Исходной точкой более широкой общественной организации был город [Там же: 361]. Можно говорить о «комбинации» племенного уклада с городским [Там же: 374]. Княжеская власть и дружина как бы накладывались сверху на старую народную десятичную организацию. Выростала государственная система, которая, с одной стороны служила интересам торговли, а с другой — сама была целью для князя и дружины, которые жили ее доходами. Навстречу потребностям Киева в военных силах шло их предложение из далекой Скандинавии. Варяги сыграли роль и в укреплении княжеской власти, которая к концу X в. далеко ушла от антских времен, — князья взяли в свои руки суд и администрацию.

Украинский историк был одним из немногих, кому рисовалась эпическая картина распространения власти киевских князей на огромную территорию, внушительная «Руська держава», появившаяся в Восточной Европе. В рамках этого процесса естественно (для украинского историка) не Киев оказывается добычей Новгорода, а Новгород покорен Киевом [Там же: 421]. Впрочем, до Владимира Святого эта «держава», которая стояла на службе торговли, скреплялась, по сути, только купеческо-дружинными «верствами», которые разбегались, словно кровь по жилам, по системе «державы».

«Реформы» Владимира привели к тому, что она превратилась в систему равноправных княжеств, во главе с членами одного рода. Именно этот род отныне мог быть княжеским [Грушевский 1991б: 193]. Отношения в княжеском роде строились на основе родового старшинства, но патриархальные родовые отношения в XI–XII вв. были уже фикцией. И хотя родовой принцип играл большую роль, но он нейтрализовался и ослаблялся другими принципами: отчинности

в наследовании, влиянием общины-земли, договорами князей между собой и с общиной [Там же: 197].

В общем, с середины XI в. система земель «Русьской державы» представляла собой группу автономных земель-княжеств, связанных одной династией и традицией давней принадлежности к одной «державе» под «сеньоратом» (более или менее реальным) киевского князя. С ростом династии и раздроблением земель (XII в.) эта группа княжеств-земель превращается в систему групп независимых княжеств, из которых состоит каждая земля, под «сеньоратом» своего старейшины, который признает над собой старейшинство киевского князя [Там же: 207]. Это похоже на федерацию, но федерация так и не выработалась, как не выработала твердых политических форм и вся политическая система Древней Руси. Политическая организация земель-княжеств основывалась на диархии, состоящей из двух элементов: общины с суверенными правами и князя с его дружиной и «агентами». Община с его политическим органом — вечем — была высшим элементом, но без постоянной деятельности. Князь же, хотя и находился под контролем веча, но фактически имел в своих руках всю полноту исполнительной власти.

Таков был политический строй «украинско-русских земель», среди которых историк особенно выделял Киевскую. М.С. Грушевский — среди тех, кто не особенно симпатизировал этому строю. Основным недостатком его он считал отсутствие солидарности, единения между земством и «правлящей сферой». В Киевской земле столкновение интересов князей и земли окончилось плачевно для последней — она подверглась разорениям, ослабла, захудала. Здесь «политическая несостоятельность княжеско-дружинного строя присоединилась к тем экономическим тягостям, неустройствам, которые повсеместно удручали народ». Вот почему киевское земство, воспользовавшись монгольским погромом, вернулось к первоначальному строю — к мелким автономным общинам [Грушевский 1991в: 320–321, 328].

Итак, подведем некоторые итоги рассмотрения так называемой «дореволюционной» историографии по вопросу о государстве в Киевской Руси. Один из них — на поверхности. Если в XVIII — начале XIX в. историки делали упор

на монархическое устройство древнерусской политической системы, то затем стали видеть и демократические, земские традиции. Представление о земском, областническом, федеративном устройстве вошло в плоть и кровь историков, стало общим местом в научной и учебной литературе⁹. О такой историографической парадигме давно уже писали в литературе [Малиновский 1929: 32–35].

Но историки весьма затруднялись в определении характера древнерусского государства. Вплоть до того, что многие отказывались видеть его в отечественной истории. Другие составляли свои высказывания о государстве такими оговорками, что они ставили под сомнение его существование. Единицы обнаруживали в древности некое централизованное огромное государство — «Киевскую Русь». Этот монстр стал порождением другого феномена — советской исторической науки.

Советские историки сразу же отправились на поиски «Древнерусского государства». Впрочем, для М.Н. Покровского, под эгидой которого проходил период становления советской историографии, такого государства, как уже было отмечено, не существовало. Эту мысль он высказал и обосновал еще в «Русской истории с древнейших времен», потом повторил и в других своих сочинениях.

Историки, которые не относились к марксистскому лагерю, рассматривали проблему древнерусской государственности прежде всего в контексте влияния норманнов, развивая концепции «дореволюционных» времен. Великий летописец А.А. Шахматов представлял возникновение древнерусской государственности как последовательное появление в Восточной Европе трех скандинавских государств и результат борьбы между этими государствами [Шахматов 1919] (см.: [Шаскольский 1978а: 153–154]). Его идеи были поддержаны А.Е. Пресняковым и Ю.В. Готье [Пресняков 1928: 44–46; Готье 1930: 248].

П.П. Смирнов с опорой на арабские источники, но сохранив верность норманизму, искал истоки государства на Волге, где в первой половине IX в. сформировался «русский каганат», который, правда, недолго просуществовал [Смирнов 1928].

Против научных построений, в которых превалировали норманны, а также против существования значительного по

размерам государства выступил В.А. Пархоменко, который уже в начале XX в. стоял на антинорманистских позициях [Пархоменко 1922: 484].

Главное для нашей темы — то, что в это время вырабатывается новый теоретический подход к государству, которое предстает теперь как результат развития классовой борьбы, как инструмент классового господства и подчинения. Хотя надо иметь в виду, что историков больше волновала другая проблема — генезис феодализма, характер общественно-экономических отношений в Киевской Руси. Решить эту проблему было необходимо для того, что определить место Киевской Руси в системе так называемых общественно-экономических формаций, учение о которых становилось важнейшим звеном советской историософии. В целом, надо отметить чрезмерную идеологизацию и политизацию науки в это время, которые нарастали на протяжении всего советского периода, достигнув апогея накануне падения режима.

Огромное влияние на историков оказывала «теория» Н.Я. Марра [Алпатов 1991], которая постулировала автохтонность славян, уводила этногенетические корни народов в глубокую древность [Шнирельман 1993]. Естественно, она толкала к тому, чтобы удревнять и государство.

В работах первых «феодалистов» — М.М. Цвибака и Б.Д. Грекова — Киевская Русь предстала как огромная «империя Рюриковичей». В появлении такого рода монстра были, впрочем, виноваты не они, а скорее К. Маркс, чья работа «Секретная дипломатическая история XVIII в.» получила в это время хождение среди советских обществоведов. В дальнейшем М.М. Цвибак был репрессирован, и «генеральную линию» стал разрабатывать Б.Д. Греков (подробнее см.: [Фроянов 1990]). В вопросе о государстве, который не был тогда основным, он проявлял непоследовательность и допускал неопределенность. Складывается впечатление, что эта проблема его тогда мало волновала. Так, в своем знаменитом докладе он туманно говорил об образовании «Варяжского государства» как о сравнительно позднем эпизоде в истории Восточной Европы.

Не очень определенно писал о происхождении и развитии государства Б.Д. Греков и в книге «Феодалные отношения в Киевском государстве», которая с третьего издания стала

называться «Киевской Русью». В этой книге он по-прежнему увлечен изучением формирования классовой основы государства, а до самого государства руки фактически не доходят. Впрочем, «империя Рюриковичей» уже пленяет воображение историка. В другой работе Б.Д. Греков, отметив, что образование этой империи произошло в результате объединения военным путем двух государств — Киева и Новгорода, рисует картину огромного по своей территории государства, отмечая, впрочем, его непрочность [Греков 1936: 3, 5–6].

И хотя эти идеи в конце 30-х гг. вошли в учебники для школ и вузов [Шаскольский 1978б: 133], но поддержали их тогда далеко не все историки. Н.Л. Рубинштейн в рецензии на только что упомянутое издание подвергал сомнению даже само название сборника документов, считая, что нельзя говорить о киевском государстве IX–XII вв. Период IX–X вв. он считал дофеодальным, бесклассовым. «Империя Рюриковичей», следовательно, не была ни единым, ни феодализирующимся государством, а «варварской империей», переходным этапом от доклассового общества к феодальному, государственность в Киевской Руси начинается с феодальной раздробленности [Историк-марксист 1938: 130–132]. Зато ему импонировал подход А.Е. Преснякова, который удачно определил политический строй Киевской Руси как «господство одного князя над рядом волостей без внутренней органической связи в единое государство» [Рубинштейн 1938].

С.В. Бахрушин в своей рецензии на книгу Б.Д. Грекова отрицал как факт формирования класса феодалов, так и факт наличия единого и организованного государства, служившего орудием классового господства. Он считал, что до последней четверти X в. мы не наблюдаем признаков существования прочно сложившегося государства [Бахрушин 1937б: 167]. Помимо эфемерного единства, он констатирует факт территориальной неустойчивости этого государства. Это еще и не государство, а примитивное завоевание [Там же: 168]. Эти идеи он развивает в статье «Держава Рюриковичей». С.В. Бахрушин отрицает наличие государственной организации у полян и новгородских словен в IX в. Зачатки государственного строя следует искать «не в дружинах скан-

динавских искателей приключений, а в славянских племенных княжествах» [Бахрушин 1938а: 91]. Правда, историк подчеркивал, что патриархальные князья типа Мала еще не были главами государств. Важное место он отводил варягам, в процессе завоевания которыми славянских земель и возникали «варяжские княжества». Эти княжества, основанные на сборе дани с окрестного населения, соответствовали высшей ступени варварства, имея сугубо военно-разбойничий характер.

Процесс объединения племен завершается во времена Святослава. Но и в это время ученый не видит здесь «прочной государственной организации», различая сквозь тьму веков лишь «военную организацию». Нет еще ни государственной территории, ни прочной связи с Приднепровьем, ни опоры на местные социальные силы. Лишь при Владимире «держава Рюриковичей» достигает своего кульминационного пункта, упорядочивается государственное устройство, начинается феодальный, государственный период [Там же: 95–96]. Но и до смерти Ярослава эта «держава» представляла собой в политическом смысле «военную демократию»¹⁰. Она являлась переходным периодом между родовым строем и феодальным [Там же: 98] Эти взгляды историк развивал и в других своих работах [Бахрушин 1936; 1937а; 1938б].

Идея о «дофеодальном периоде» и, соответственно, «дофеодальном», «варварском» государстве получила распространение в советской историографии. Большой вклад в ее развитие внесли С.В. Юшков и В.В. Мавродин.

С.В. Юшков портрет такого государства рисует для периода IX–X вв., делая упор на примитивности княжеской власти и ограниченности ее функций, объединении в государстве «племенных территорий». Роль «административных органов» выполняла десятичная система [Юшков 1939] Дальше, правда, «дофеодальное» государство перерастает у него в раннефеодальное, а племенные территории превращаются в земли-сеньории с развитым вассалитетом. Но идею о дофеодальном (варварском) государстве он не оставил и в 40-е гг., посвятив этой теме отдельную статью.

В таком же духе высказывался и В.В. Мавродин. Данная концепция с точки зрения господствовавшей марксистской идеологии была, конечно же, нонсенсом, так как противоре-

чила одному из основных постулатов теории — государство может возникнуть только на классовой основе¹¹. Более того, получалось, что феодальные отношения, как писал В.В. Мавродин, ликвидируют «варварскую империю Рюриковичей». На смену «дофеодальному государству» приходила «феодальная раздробленность» [Дворниченко 2001: 85–90]. А если учесть, что княжества эпохи «феодальной раздробленности» несколько пренебрежительно именовались «полугосударствами», то и получалось, что государство, как песок, просачиваясь сквозь пальцы, куда-то исчезало. К тому же в такой трактовке оно очень плохо сочеталось с другим базовым понятием — «феодализмом».

К счастью, опорой могло служить высказывание новых «классиков». В «Замечаниях по поводу конспекта учебника по истории СССР» И.В. Сталина, А.А. Жданова, С.М. Кирова говорилось о том, что в «конспекте свалены в одну кучу феодализм и дофеодальный период, когда крестьяне не были еще закрепощены» [К изучению истории 1938: 19]. Впрочем, нельзя не видеть и другой стороны медали: данное высказывание само провоцировало историков на то, чтобы говорить о дофеодальном, варварском государстве. В условиях «культы личности» возможность хотя бы таким способом расширить диапазон исследовательских поисков в области политогенеза была, конечно же, полезной.

Интересно, что в 30-е гг. не очень раздражало и присутствие в русской истории норманнов в качестве завоевателей, оказавших огромное влияние на формирование «государства». За исключением некоторых историков (В.А. Пархоменко), большинство было норманистами. Но все это длилось недолго.

Созиданию новой концепции «Древнерусского государства» способствовал разгром «школы Покровского», который, как мне представляется, одновременно наносил удар и по старой историографии [Дворниченко 2008: 295–296]. Свою роль сыграла Великая Отечественная война, а затем и «холодная война». А конец всем сомнениям в области изучения Древнерусского государства положила дискуссия о периодизации истории СССР, проведенная в 1949–1951 гг. [Фроянов 2001а: 289–290]. Ее главным итогом было то, что центр тяжести формирования «феодальных отношений» был перенесен вглубь веков. Дело, естественно, не обошлось

без курьеза: «феодалные отношения» стали находить у того населения, которое и славянским-то еще нельзя было назвать. Но раз был найден «феодалный базис», нужна была и соответствующая надстройка. Им и стало «раннефеодалное государство», привольно раскинувшееся на просторах Восточной Европы в IX–X вв., к созданию которого норманны уже отношения не имели.

Завершил формирование своей концепции Б.Д. Греков. Древнерусское раннефеодалное государство, которое огромно, как и сейчас огромна наша страна¹² [Греков 1959: 293], по Грекову, — это прежде всего власть киевского князя с подчиненными ему князьями и боярами [Там же: 290]. При этом князь — не самодержец, а представитель правящей знати, признающей над собою власть великого князя. Князь — глава государства, форма которого соответствовала состоянию производительных сил и производственных отношений данного времени [Там же: 247–249].

Этому государству соответствует и организация вооруженных сил. Основы военного строя Древнерусского государства были заложены в период военной демократии, когда войско от народа никак не было отделено, когда вооруженный народ и был войском. При этом в Древнерусском государстве старое демократическое военное устройство, при котором участие в войске было правом и обязанностью всех свободных, не сразу заменялось феодальной организацией войска. В князе еще сохранилось много черт народного верховного вождя времен военной демократии, а окружавшая его знать не была еще многочисленной и достаточно политически сильной [Там же: 260].

Возрастание значения вечевых собраний приходится на вторую половину XI и XII в. Это явление связано с раздроблением Древнерусского государства на «уделы»¹³. Такова судьба всех так называемых раннефеодалных монархий. Растет местное боярство, которому нужны и деньги, и войско. Но растет и город с его купеческим и ремесленным населением. Окрепшие области стараются обзавестись собственными князьями, а многим князьям это тоже на руку. Дальнейшая история частей расчлененного Древнерусского государства определяется соотношением классов в каждой из них [Там же: 288].

Как видим, схема хотя и бледна, но еще достаточно «спокойна», без тех перегибов, которые появились в будущем.

Во второй половине 50–80-х гг. идеи Б.Д. Грекова шлифовались и развивались, правда, сами «шлифовщики» иной раз не замечали, какой ревизии подвергают его идеи.

Большое внимание историков начинают привлекать «племенные княжения», изучать которые еще в 30-е гг. призывал С.В. Бахрушин. Правда, историки так и не договорились о том, что это такое. В условиях «холодной войны» понятно стремление обосновать южное происхождение «Древнерусского государства». Концепция С.В. Юшкова о «руси» — социальной группе, осевшей в городах [Юшков 1950: 244], — теперь уже кажется анахронизмом с сильным норманистским душком. «Русью» теперь называют Среднее Поднепровье — ядро древнерусской государственности¹⁴ [Тихомиров 1947: 67]. Согласно работе А.Н. Насонова 1951 г., именно здесь была территория государства, называвшегося «Русской землей», откуда власть киевских князей стала распространяться на другие земли [Насонов 2002: 195]. До абсурда довел эти идеи Б.А. Рыбаков, который открыл племенной союз «Русь».

«Союз союзов» племен — это уже государство, без всякого сомнения [Рыбаков 1982: 316]. Территория его такова, что масштабы европейской части Российской империи только в XVIII в. приблизились к Киевской Руси. Государство зарождается и получает развитие на Юге — темп исторического развития был здесь значительно более быстрым, чем на севере с его тощими лесными почвами [Там же: 284]. Популярная и в досоветской, и в советской историографии идея о возникновении государства в результате слияния двух центров — северного и южного (например, у В.В. Мавродина) — была отброшена. Знал бы почтенный академик, что теперь это будет другая страна — может, он был бы осторожнее!

Государство это, как уже отмечено, зиждется, по Б.А. Рыбакову, на феодальной основе. Что понимал ученый под феодализмом и как он в конечном счете запутался в этом вопросе, следуя то Б.Д. Грекову, то Л.В. Черепнину, — обо всем этом я говорить не буду, а отсылаю читателя к содержательной историографической книге И.Я. Фроянова [2001а: 313–316]. Для меня важно отметить другое: именно рассуждения

о некоем «феодализме» позволили Б.А. Рыбакову объяснить последующую историю Древнерусского государства.

Киевскую Русь накануне «феодальной раздробленности» Б.А. Рыбаков представил как совокупность боярских и княжеских вотчин, умудрившись даже определить их количество! Земскому боярству нужна была своя, местная, близкая власть, которая сумела бы быстро претворить в жизнь юридические нормы «Правды». Тем более что управлять такой огромной страной, как Киевская Русь, было очень трудно — ведь ее периметр составлял 7000 км [Рыбаков 1982: 403].

Такая структура была дана самой жизнью — это те союзы племен, те «княжения», которые были перечислены в свое время летописцем. Вот Киевская Русь и распалась на полтора десятка самостоятельных княжеств, более или менее сходных с полутора десятками древних племенных союзов. Правда, за это время здесь везде сложились феодальные отношения и на этой основе возникли феодальные княжества XII в. Они были вполне сложившимися государствами.

Историк рисует фантастическую картину общественно-политического строя этих земель. На этой картине находится место и боярам, и «рыцарственному дворянству», и городу — коллективному замку крупнейших земельных магнатов округи¹⁵ [Там же: 478]. Есть и церковь — еще один элемент феодального Средневековья. Все эти составные части «русского феодального общества» находились в развитии и в различных сочетаниях, образуя враждующие между собой блоки и группы.

К началу XIII в. стал более явственным неудержимый процесс феодального дробления внутри княжеств, выделение мелких удельных княжеств-вассалов. Монгольское нашествие застало Русь цветущей, богатой и культурной страной, но уже пораженной ржавчиной феодальной раздробленности. Б.А. Рыбаков отказывается от понимания всей эпохи феодальной раздробленности как времени регресса, движения вспять.

В 80-е гг. академик Б.А. Рыбаков выступил с рядом фундаментальных работ, об одной из которых я уже говорил. Были еще работы, посвященные древнерусскому и славянскому в целом язычеству. О «языческих» трудах академика недавно было хорошо сказано, что это труды человека та-

лантливому, увлеченному, эрудированному и неутомимому. Но в то же время это человек излишне самонадеянный и самоуверенный, не очень затрудняющий себя проверкой, самоконтролем, строгим отбором, не привыкший к требовательности и возражениям, словом, ошибающийся так, как может ошибаться в печати только академик: у любого другого такое просто не прошло бы¹⁶ [Клейн 2004: 94].

Думаю, что дело все-таки не в том, что Б.А. Рыбаков был академиком и даже не в том, что он возглавлял ряд головных академических учреждений. Дело в самой ситуации в науке, научной, так сказать, атмосфере... Я принципиально не стал говорить о попытках Б.А. Рыбакова увести «русскую» государственность в древность. Дело в том, что этногенетические построения такого рода давно и плодотворно подвергаются критике. Говорить серьезно о славянах раньше VI в. пока не приходится. Так что уж говорить о государстве?!

Несколько по-другому, но тоже весьма причудливо эта атмосфера сказалась на работах также ведущих историков того времени — Л.В. Черепнина и В.Т. Пашуто.

С именем Л.В. Черепнина связаны очень важные сдвиги в советских представлениях о «Древнерусском государстве». Дело в том, что это «государство» должно обязательно опираться на классовую феодальную основу. Однако со временем стало ясно, что с доказательством существования этой самой основы дело обстоит весьма напряженно. Источники практически молчат о вотчинном феодализме в Киевской Руси. И тогда Л.В. Черепнин выдвинул идею верховной феодальной собственности в Киевской Руси. Древнерусские князья предстали в роли таких «верховных собственников», а дань трактовалась как феодальная рента. Под Древнерусское государство была подведена, как казалось, нерушимая теоретическая основа. Вот почему эта теория получила широкое распространение среди историков. Но эта концепция знаменовала собой и начало конца «Древнерусского государства». Ведь теперь стало ясно, что все дело в самой основе. А если основа определена неправильно?

Что же касается непосредственно «государства» и его институтов, то Л.В. Черепнин, как талантливый и серьезный исследователь, не мог игнорировать источники и во многом возвращался к прежним историографическим клише, правда,

стараясь приспособить их к своему «древнерусскому феодализму». Так, вече, активную деятельность которого он не мог игнорировать, стало под его пером городским «советом».

Стараясь определить форму государства в эпоху «феодальной раздробленности» Л.В. Черепнин поддерживает идею В.О. Ключевского о средневековой федерации — «союзе областей через князей». Он только не согласен с тем, что этот союз носил чисто генеалогический характер. Наоборот, «этот союз сообщал государству феодально-иерархическую структуру, оформленную сетью договорных отношений между князьями на началах сюзеренитета–вассалитета» [Черепнин 1972: 375].

Такой постулат позволяет академику трактовать все политические институты Киевской Руси в феодальном ключе.

«Феодальную линию» довел до абсурда В.Т. Пашуто, который, используя выражение И.Я. Фроянова, на все смотрит через феодально-сеньориальные очки. Киевская Русь у него плотно населена рыцарями, которые развлекают себя турнирами, здесь обитают сеньоры, вассалы, права и обязанности которых историк умудряется четко определить. К формам вассалитета он относит подручничество и кормление. В Киевской Руси историк обнаруживает местничество, видимо, и его считая западным институтом, и даже термин «поместье». Древнерусские рыцари не только устраивали турниры, но и имели свои геральдические эмблемы и т.д. Древнее полюдзе — это объезд сюзереном своих владений и т.д.

Когда читаешь работы В.Т. Пашуто после работ Б.А. Рыбакова, то измышления последнего кажутся детскими шалостями. Ведь мысль Б.А. Рыбакова достаточно отвлеченно устремлялась в глубь веков, пробиралась пусть к давним и обвитым пеленой легенды, но жителям нашей российской (или украинской) земли: трипольцам, скифам, сарматам и т.д. В.Т. Пашуто же сочинил сказку вполне в духе киношедевра из далекого детства, созданного на киностудии «Беларусьфильм», — «Город мастеров». Когда же В.Т. Пашуто рассуждает о «национальных окраинах» этого «государства», то появляется совсем другая терминология, видимо, связанная уже с советскими реалиями: «подготовка местных кадров», «трудовая дружба народов» и т.д.

В 70–80-е гг. большинство советских ученых работало под влиянием идей Л.В. Черепнина. Историки изобретали разные формы «верховой феодальной собственности». Ее связывали с государством (М.Б. Свердлов), князьями (О.М. Рапов), дружиной (А.А. Горский) и т.д. «Верховная феодальная собственность» стала своего рода «палочкой-выручалочкой» для спасения древнерусского феодализма и, соответственно, древнерусской государственности. Характерна в этом смысле точка зрения В.Л. Янина. Обнаружив, что в источниках нет сведений о земельной собственности бояр до XII в., он выдвинул концепцию о «корпоративной собственности бояр» на землю и право верховного распоряжения землями, которое этой корпорации принадлежало [Янин 1981: 281]. Естественно, это позволило уже ранний новгородский социум считать боярской государственностью¹⁷.

Конечно, не все историки воспользовались черепнинской идеей о «верховой феодальной собственности». Кто-то рассматривал древнерусскую «государственность» в рамках прежней феодальной парадигмы. В.В. Мавродин в это время вообще уходит от определения — в его работах 70-х гг. мы не находим понятий «дофеодальное» и «раннефеодальное». Причину «феодальной раздробленности» он видит в развитии феодального базиса и феодальной надстройки, в классовой борьбе непосредственных производителей — крестьян — с феодалами [Дворниченко 2001: 96]. В ключе «вотчинной феодальной собственности» рассматривали «базис» «Древнерусского государства» И.И. Смирнов, А.А. Зимин, П.П. Толочко и др.

С одними славянскими «государствами», например «державой волянн», историки к этому времени уже расстались. Другие, подобно пресловутым Куявии, Артании и Славии, были по-прежнему популярны, чтобы сгинуть уже в наши дни.

Успокоившись по поводу определения характера раннего «государства», историки стараются лучше понять «феодальную раздробленность», селятся связать ее с предшествующим периодом «единого государства». О раздробленности как закономерном этапе «единого» (!) государства писали, как уже говорилось, В.Т. Пашуто и Л.В. Черепнин¹⁸. Феодальная раздробленность в этом смысле предстает как

«особая форма политической надстройки начального этапа развитого феодализма» [Кизилов 1979: 101].

Другими словами, по сравнению с 30–40-ми гг. меняется основная парадигма древнерусской государственности. Историки стремятся доказать, что, даже распавшись на самостоятельные «княжества», русские земли не превратились в самостоятельные государственные образования [Толочко 1987: 215]. Между тем внимательное изучение отдельных земель, создание сводных трудов по их истории (например, [Древнерусские княжества 1975] и др.) лишь «объективно усиливали тезис об аморфности территориальной структуры» Киевской Руси, возвращая к подходам 30–40-х гг. [Шишкин 1997: 218]. «Феодальная» фразеология, украшавшая эти работы, от такого эффекта не спасала.

Впрочем, в 70–80-е гг. появились и более серьезные проблемы у «Древнерусского государства». Некоторые историки стали сомневаться в его «феодальном базисе». Такое сомнение не могло не поставить вновь и вопрос о «надстройке». Некоторые историки в это время возвращаются к проблеме «рабовладельческой формации», отброшенной наукой в 30-е гг. Впрочем, на этой почве у них вырастают разные виды древнерусской государственности. А.П. Пьянков вновь обнаружил государство у антов [Пьянков 1980: 6], а В.И. Горемыкина писала о «варварских государствах», подобных государствам Западной Европы. Она считает и там, и здесь эти государства «дофеодальными», но относит их к «рабовладельческой формации» [Горемыкина 1982].

Наиболее весомо против древнерусского феодализма выступил петербургский ученый И.Я. Фроянов, который выдвинул идею о господстве в экономике общинной собственности на землю. По его мнению, вотчина была островком в море свободного общинного землевладения [Фроянов 1974]. Изучив политические отношения в Киевской Руси, И.Я. Фроянов вернулся к идеям волостного строя, которые, как мы видели, активно развивались в дореволюционной исторической науке, показал активную роль общины в политической жизни [Фроянов 1980]. Земли — волости Киевской Руси (города-государства) были подробно изучены в специальной монографии [Фроянов 1974].

В работах А.Ю. Дворниченко, Ю.В. Кривошеева, И.Б. Михайловой, А.В. Майорова, А.В. Петрова, В.В. Пузанова и других представителей школы И.Я. Фроянова рассматривались те или иные аспекты истории «нефеодальной» Руси. Однако вопрос о характере государственного строя оставался недостаточно разработанным, и в 1991 г. И.Я. Фроянов посвятил этому вопросу отдельную статью [Фроянов 2001б: 717–762]. С его точки зрения, главные отличительные признаки государства (территориальный принцип размещения населения, публичная власть, взимание налогов) появляются не сразу, а постепенно, один за другим. В первую очередь у восточных славян возникают и укрепляются принудительная публичная власть и взимаемые насильственным порядком поборы в виде даней как элементы государственности. Выступают они еще в примитивной форме, в рамках сначала союзов племен, а затем союзов союзов (суперсоюзов) племен, то есть в родоплеменной оболочке. В конце X — начале XI в. родовые отношения распадаются, население размещается по территориальному принципу в виде городов-государств, государств-общин. В результате завершается формирование трех главных компонентов государственности. Эти идеи историк положил в основу изучения новгородской государственности, которой посвятил отдельный труд [Фроянов 1992]. При этом он совершенно по-новому, оригинально объяснил «объединение» Новгорода и Киева при князе Олеге. Его, собственно, и не было. Словене и их союзники получили дань как победители с Киева, а Древнерусское государство конца IX в., объединившее Северную и Южную Русь, — не более, чем ученый миф [Там же: 117, 125].

В другой книге историк писал: «Так называемое “Киевское государство” X в. являло собой конгломерат племен, рыхлое и неустойчивое межплеменное образование, сооруженное Киевом посредством военного принуждения прежде всего с целью получения даней и не имеющее прочных внутренних связей, а потому готовое в любой момент рассыпаться» [Фроянов 1996: 447].

Эти работы И.Я. Фроянова были уже написаны на «гребне» «перестройки». Время этой самой «перестройки» стало не очень удачным для «Древнерусского государства». Прежние идеи уходили в прошлое... Становится массовым отход

от признания классовой обусловленности образования государства [Пузанов 2007: 9]. Более трезво историки начинают смотреть и на сам процесс возникновения и развития государства¹⁹.

Не имея здесь возможности подробно анализировать новейшую историческую литературу, отмечу, что переход от феномена советской историографии к новой научной парадигме на поверку оказался не таким уж болезненным. Мы просто вернулись к тому плюрализму мнений, который существовал в «дореволюционный» период. Одни историки или вовсе не видят государства в Киевской Руси [Дворниченко 2006а: 184–195; 2010], другие находят только при самом «мягком» его определении [Данилевский 1999: 166]. Широкое хождение в отечественной (и «ближнего зарубежья») историографии получило понятие «вождество», которое пытаются так или иначе синтезировать с традиционным представлением о «Древнерусском государстве» [Моця 1993; Баран 2000].

Не хотят отказываться от Древнерусского государства и те, кто пишет о «потестарном государстве» (М.Б. Свердлов), поливариантности путей развития государства (Е.А. Шинаков), сложной, поэтапно сменяющейся системе союзов племен и завоевательном пути развития государства (В.В. Пузанов). Неожиданную и широкую популярность обрели идеи некоторых «дореволюционных» авторов — Ф.Л. Морощкина, Н.П. Ламбина и особенно Е.А. Белова — об определяющей роли в политогенезе дружины. Результатом стала надуманная концепция «дружинного государства» (А.А. Мельникова, А.А. Горский). Государство представляется как форма «сожителства одной семьи» (А.П. Толочко); новое дыхание получает пресловутая империя (Я.Н. Щапов, В.Б. Перхавко и др.). На этом, впрочем, позволю себе остановиться и сделать вывод.

В далеком уже сейчас 1987 г. известный специалист по истории Киевской Руси П.П. Толочко задумывался над тем, чем вызвано такое различие в представлениях историков о государственной системе Древней Руси, и объяснял его «характером письменных источников»²⁰ [Толочко 1987: 214]. Можно к этому добавить и сильное влияние господствующей идеологии, наконец, саму логику науки, которая находится в постоянном развитии.

Но поневоле возникает и еще один вопрос, который созвучен с произведением великого У. Блейка, вынесенным мной в качестве эпиграфа. Его можно сформулировать так: «А были ли папа?» Или это химера, видение, которое уносит поднявшийся порывистый ветер? Другими словами, а было ли это мифическое государство, которое якобы стоит у истоков государственной традиции восточнославянских стран? Может быть, правы те историки, которые, подобно Ф.И. Леонтовичу, Н.П. Павлову-Сильванскому и др., считали весь период Киевской Руси общинным. По крайней мере, это объясняет беспрецедентную для Европы силу общины в последующей нашей истории. Если бы это государство было, мы бы, наверное, не жили сейчас в разных государствах, к тому же слабо развитых. Впрочем, тема нуждается в дальнейшем обсуждении.

¹ Со временем, правда, норманнская проблема приобрела другой характер. В одном из учебников советского времени находим такое ее определение: «Сущность “норманнской проблемы” заключается отнюдь не в вопросе об этническом составе варягов (вряд ли теперь можно сомневаться, что они были выходцами из Скандинавии), а в их значении в процессе складывания Киевского государства» [Базилевич 1950: 64].

² Современный исследователь А.Н. Шаханов дает однозначный ответ: «Киевскую Русь государством в полном смысле этого слова (как он его понимал)», С.М.Соловьев не считает [Шаханов 2003: 53–54].

³ В целях экономии места не касаюсь здесь воззрений столпов славянофильства, кои были весьма расплывчатыми.

⁴ В другой работе историк пишет о том, что «волость, или область, иногда совпадала с землей... но обыкновенно составляла только часть ее» [Ключевский 1989: 98].

⁵ Историк отрицает возможность появления «городовых областей» на племенной основе, так как не было ни одной волости, которая состояла бы из одного цельного племени. См. также: [Ключевский 2003: 20; 1992: 24].

⁶ «Опыт просветительской и романтической историографии в изучении становления феодализма при этом не учитывался. Он был, вероятно, к тому времени забыт» [Свердлов 1996]. Полагаю, что этот опыт не стоит преувеличивать.

⁷ «К XIII в. нашего летоисчисления, то есть 600 назад, у нас установились те порядки, которые принято называть феодальными», — писал Покровский в более поздней работе [Покровский 1932: 41].

⁸ «Мало-помалу Русь подчинила себе некоторые славянские племена и образовала сильное государство, центром которого сделался Киев» [Иловайский 1992: 23].

⁹ Можно согласиться с М.Б. Свердловым в том, что эти идеи стали «новым стереотипом исторического мышления», но никак нельзя согласиться с тем, что они возникли лишь под влиянием «Великих реформ» 60–70-х гг. [Свердлов 1996: 90, 126]. Рост данных идей стал свидетельством прогресса в науке, показателем более тонкого и адекватного понимания исторической действительности.

¹⁰ В докладе, прочитанном, вероятно, в 1928–1929 гг., С.В. Бахрушин говорил, что первая попытка политического объединения при Владимире Святом и при Ярославе распадается и в ее результате образуется только понятие о единстве княжеской династии [Бахрушин 1987: 78].

¹¹ Впрочем, впоследствии выяснилось, что из «классиков» можно извлечь все, что угодно, вплоть до идеи о «родовом государстве».

¹² «Три братских народа ведут свое происхождение от общего корня древнерусской народности, создавшей самое мощное государство в средневековой Европе IX–XII вв.» — таков «слоган» 50-х гг. [Тихомиров 1975].

¹³ Судя по всему, Б.Д. Грекову не очень нравился применяемый С.В. Юшковым для этого времени термин «феодалная монархия».

¹⁴ Данная концепция зародилась еще в «дореволюционной» историографии.

¹⁵ В другом месте он пишет, что первоначально города были средоточием торгового и ремесленного и пунктами административного управления.

¹⁶ Я помню, как реагировал со свойственным ему чувством юмора на выход в свет трудов Б.А. Рыбакова мой первый учитель — В.В. Мавродин. Он сказал: «Академикам можно все...». В 90-е гг., когда у людей развязались языки, концепция Б.А. Рыбакова подверглась ожесточенной и не всегда корректной, но, к сожалению, вполне справедливой критике со стороны его бывших коллег.

¹⁷ См. критику такого подхода в кн.: [Фроянов, Дворниченко 1988: 190–196].

¹⁸ Впрочем, первопроходцем в этом вопросе, как и в вопросе о верховной феодальной собственности, был украинский археолог В.О. Доуженок.

¹⁹ Наличие полноценных и полновесных историографических обзоров позволяет мне в рамках данной статьи быть кратким. См.: [Пузанов 2001: 3–51; Шинаков 2009: 3–65].

²⁰ Интересно, что сам П.П. Толочко — археолог! Наверное, не ошибусь, если отнесу этот «характер» и к археологическим источникам.

Алтатов В.М. 1991. История одного мифа: Марр и марризм. М.
Базилевич К.В. 1950. История СССР от древнейших времен до конца XVII века. М.

Баран Я.В. 2000. Суспільний лад та соціальні відносини // Давня історія України. Т. 3: Слов'яно — Руська доба. Київ.

- Бахрушин С.В.* 1936. К вопросу о русском феодализме // Книга и пролетарская революция. № 4.
- Бахрушин С.В.* 1937а. К вопросу о крещении Киевской Руси // Историк-марксист. № 2.
- Бахрушин С.В.* 1937б. Некоторые вопросы истории Киевской Руси // Историк-марксист. № 3.
- Бахрушин С.В.* 1938а. Держава Рюриковичей // ВДИ. № 2.
- Бахрушин С.В.* 1938б. Киевское государство // Пропагандист. № 13.
- Бахрушин С.В.* 1939. «Феодальный порядок» в понимании М.Н. Покровского // Против исторической концепции М.Н. Покровского: сб. ст. М. Ч. 1.
- Бахрушин С.В.* 1987. Вопрос о русском феодализме в научной литературе // Бахрушин С.В. Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма. М.
- Белов Е.А.* 1886. Об историческом значении русского боярства до конца XVII в. // ЖМНП. Ч. ССXLIII. Янв.
- Белов Е.А.* 1895. Русская история до реформы Петра Великого. СПб.
- Беляев И.Д.* 1999. История русского законодательства. СПб.
- Беляев И.Д.* 2004. Судьбы земщины и выборного начала на Руси // Беляев И.Д. Земский строй на Руси. СПб.
- Владимирский-Буданов М.Ф.* 1995. Обзор истории русского права. Ростов н/Д.
- Волк С.С.* 1958. Исторические взгляды декабристов. М.; Л.
- Горемыкина В.И.* 1982. Возникновение и развитие первой антагонистической формации в средневековой Европе. Минск.
- Готье Ю.В.* 1930. Железный век в Восточной Европе. М.
- Градовский А.Д.* 1868. Государственный строй древней России (Вече и князь. Русское государственное устройство во времена князей Рюриковичей. Исторические очерки В.И. Сергеевича) // ЖМНП. Ч. СXL. Ноябрь.
- Греков Б.Д.* 1936. Предисловие // Памятники истории Киевской Руси IX–XII вв. Л.
- Греков Б.Д.* 1959. Киевская Русь // Греков Б.Д. Избранные труды. М. Т. II.
- Грушевський М.С.* 1991. Історія України–Руси: в 11 т., 12 кн. Київ. Т. I.
- Грушевський М.С.* 1991. Історія України–Руси: в 11 т., 12 кн. Київ. Т. III.
- Грушевський М.С.* 1991. Нарис історії Київської землі від смерті Ярослава до кінця XIV сторіччя. Київ.

Данилевский И.Н. 1999. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). М.

Дворниченко А.Ю. 2001. Владимир Васильевич Мавродин. Страницы жизни и творчества. СПб.

Дворниченко А.Ю. 2005. О периодизации и содержании курса русской историографии // Вестник СПбГУ. Сер. 2. История. Вып. 4.

Дворниченко А.Ю. 2006а. О восточнославянском политогенезе в VI–X вв. // *Rosssica antique: Исследования и материалы–2006.* СПб.

Дворниченко А.Ю. 2006б. А.Е. Пресняков — исследователь Киевской Руси // Исследования по истории средневековой Руси. К 80-летию Юрия Георгиевича Алексева. М.; СПб.

Дворниченко А.Ю. 2008. «Феномен в феномене» или «историк с пикой» о Киевской Руси // Страницы истории: сб. науч. ст., посвящ. 65-летию со дня рождения проф. Г.А. Тишкина. СПб.

Дворниченко А.Ю. 2010. Российская история с древнейших времен до падения самодержавия. М.

Дворниченко А.Ю. 2012. Н.М. Карамзин и Н.А. Полевой о древнерусской государственности (в печати).

Дербин Е.Н. 2007. Институт княжеской власти на Руси IX — начала XIII в. в дореволюционной отечественной историографии. Ижевск.

Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975.

Дубровский А.М. 2005. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск.

Забелин И.Е. 2008. История русской жизни. Минск. Т. II.

Иловайский Д.И. 1992. Краткие очерки русской истории. Курс старшего возраста. М. Ч. I.

Иловайский Д.И. 1996. История России. Становление Руси (Периоды Киевский и Владимирский). М.

Историк-марксист. 1938. № 1. С. 130–132.

К изучению истории. 1938. (Под наблюдением Д.Чугуева). М.

Кавелин К.Д. 1989. Взгляд на юридический быт древней России // Кавелин К.Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М.

Карамзин Н.М. 1989. История государства Российского: в 12 т. М. Т. I, II–III.

Кизилов Ю.А. 1979. Советская историография феодальной раздробленности и форм государственного строя средневековой Руси // История СССР. № 2.

- Киреева Р.А.* 2004. Государственная школа: историческая концепция К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина. М.
- Клейн Л.С.* 2004. Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества. СПб.
- Ключевский В.О.* 1987. Курс русской истории. Ч. 1 // Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. М. Т. I.
- Ключевский В.О.* 1989. Терминология русской истории // Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. М. Т. VI: Специальные курсы.
- Ключевский В.О.* 1992. Краткое пособие по русской истории. М.
- Ключевский В.О.* 2003. Боярская Дума Древней Руси // Ключевский В.О. О государственности в России. М.
- Корф С.А.* 1908. История русской государственности: Основные черты Древнерусского государства. СПб. Т. 1.
- Костомаров Н.И.* 1994а. Начало единого государства в древней Руси // Костомаров Н.И. Раскол. Исторические монографии и исследования. М.
- Костомаров Н.И.* 1994б. Мысли о федеративном начале в древней Руси // Костомаров Н.И. Бунт Стеньки Разина. Исторические монографии и исследования. М.
- Костомаров Н.И.* 1995а. Лекции по русской истории. Ч. 1 // Костомаров Н.И. Земские соборы. Исторические монографии и исследования. М.
- Костомаров Н.И.* 1995б. Князь Владимир Мономах и козак Богдан Хмельницкий // Казаки. Исторические монографии и исследования. М.
- Леонтович Ф.И.* 1874. Задружно-общинный характер политического быта древней России // ЖМНП. Июль. Ч. CLXXIV.
- Лешков В.Н.* 1856. Общинный быт древней России // ЖМНП. Авг.
- Мавродин В.В.* 1967. Советская историография Древнерусского государства // ВИ. № 12.
- Мавродин В.В.* 1978. Советская историография Киевской Руси. Л.
- Максимейко Н.А.* 1910. Лекции по истории русского государственного права. Харьков.
- Малиновский И.А.* 1905. Народ и власть в русской истории. Киев.
- Малиновский О.* 1929. Стародавній державний лад східніх слов'ян і його пізніші зміни. Нариси з історії права. Київ.
- Милоков П.Н.* 2006. Главные течения русской исторической мысли. М.
- Моця А.П.* 1993. Населення південно-руських земель IX–XIII ст. Київ.

- Насонов А.Н.* 2002. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. Историко-географическое исследование. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. СПб.
- Никитский А.И.* 1870. Теория родового быта в древней Руси // Вестник Европы. Авг. Т. IV.
- Павлов-Сильванский Н.П.* 1889. Феодализм в России. М.
- Пархоменко В.А.* 1922. Из древнейшей истории восточного славянства // ИОРЯС. Т. 23.
- Пасек В.В.* 1870. Княжеская и докняжеская Русь // Пасек В.В. Исследования в области русской истории. М.
- Погодин М.П.* 1846. Исследования, замечания и лекции о русской истории. М. Т. III: Норманнский период.
- Покровский М.Н.* 1932. Русская история в самом сжатом очерке. М.
- Покровский М.Н.* 1966. Избранные произведения. М. Кн. 1.
- Полевой Н.А.* 1997. История русского народа. М. Т. 1.
- Пресняков А.Е.* 1928. Вильгельм Томсен о древнейшем периоде русской истории // Памяти В. Томсена. К годовщине со дня смерти. Л.
- Пресняков А.Е.* 1938. Лекции по русской истории. М. Т. I: Киевская Русь.
- Пресняков А.Е.* 1993. Княжое право в древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М.
- Пузанов В.В.* 1995. Княжеское и государственное хозяйство на Руси X–XII вв. в отечественной историографии XVIII — начала XX в. Ижевск.
- Пузанов В.В.* 2007. Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты. Ижевск.
- Пьянков А.П.* 1980. Происхождение общественного и государственного строя Древней Руси. Минск.
- Рубинштейн Н.Л.* 1938. От редакции // Пресняков А.Е. Лекции по русской истории. М. Т. 1: Киевская Русь.
- Рубинштейн Н.Л.* 2008. Русская историография. 2-е изд. СПб.
- Рыбаков Б.А.* 1982. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М.
- Самоковасов Д.Я.* 1896. Исследования по истории русского права. М. Вып. I–II.
- Свердлов М.Б.* 1996. Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII–XX вв. СПб.
- Сергеевич В.И.* 2007. Древности русского права: в 3 т. М. Т. 1: Территория и население; Т. 2: Вече и князь. Советники князя.
- Смірнов П.* 1928. Волзьский шлях і стародавній руси. Київ.

Соловьев С.М. 1988. Сочинения. М. Кн. II: История России с древнейших времен. Т. 3–4.

Соловьев С.М. 1991. Сочинения. М. Кн. VII: История России с древнейших времен. Т. 13–14.

Тихомиров М.Н. 1947. «Русь» и «Русская земля» // Советская этнография. Т. VI–VII.

Тихомиров М.Н. 1975. Значение Древней Руси в развитии русского, украинского и белорусского народов // Тихомиров М.Н. Древняя Русь. М.

Толочко П.П. 1987. Древняя Русь. Очерки социально-политической истории. Киев.

Филитов А.Н. 1912. Учебник истории русского права (Пособие к лекциям). 4-е изд., изм. и доп. Юрьев.

Фомин В.В. 2005. Варяги и варяжская Русь: к итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М.

Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. 1988. Города-государства Древней Руси. Л.

Фроянов И.Я. 1974. Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. Л.

Фроянов И.Я. 1980. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л.

Фроянов И.Я. 1990. Киевская Русь. Очерки отечественной историографии. Л.

Фроянов И.Я. 1992. Мятёжный Новгород. Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX — начала XIII столетия. СПб.

Фроянов И.Я. 1996. Рабство и данничество у восточных славян (VI–X вв.). СПб.

Фроянов И.Я. 2001а. Киевская Русь. Очерки отечественной историографии // Фроянов И.Я. Начала русской истории. Избранное. М.

Фроянов И.Я. 2001б. К истории зарождения Русского государства // Фроянов И.Я. Начала русской истории. Избранное. М.

Хлебников Н.И. 1872. Общество и государство в домонгольский период русской истории. СПб.

Цамутали А.Н. 1971. Очерки демократического направления в русской историографии 60–70-х гг. XIX в. Л.

Цамутали А.Н. 1977. Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX в. Л.

Черепнин Л.В. 1972. К вопросу о характере и форме Древнерусского государства X — начала XIII в. // Исторические записки. М. Т. 89.

Чичерин Б.Н. 1858. Опыты по истории русского права. М.

Шаскольский И.П. 1978а. Норманнская проблема в советской историографии // Советская историография Киевской Руси. Л.

Шаскольский И.П. 1978б. Образование Древнерусского государства // Советская историография Киевской Руси. Л.

Шаханов А.Н. 2003. Русская историческая наука второй половины XIX — начала XX в. Московский и Петербургский университеты. М.

Шахматов А.А. 1919. Древнейшие судьбы русского племени. Пг.

Шинаков Е.А. 2009. Образование Древнерусского государства. 2-е изд., испр. и доп. М.

Шишкин И.Г. 1997. Проблемы образования Древнерусского государства в отечественной историографии (1917–1990-е гг.): дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург.

Шнирельман В.А. 1993. Злоключения одной науки: этногенетические исследования и сталинская национальная политика // Этнографическое обозрение. № 3.

Щапов А.П. 1906. Сочинения. СПб. Т. 1.

Щапов А.П. 1926. Неизданные сочинения. I. Общий взгляд на историю великорусского народа. Казань.

Эверс И.Ф.Г. 1835. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии. СПб.

Юсова Н.М. 2005. Генезис концепції давньоруської народності в історичній науці СРСР (1930-ті — перша половина 1940-х рр.). Вінниця.

Юшков С.В. 1939. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л.

Юшков С.В. 1950. Русская Правда. М.

Янин В.Л. 1981. Новгородская феодальная вотчина. М.